E 85/312

2007044122

312 Е 312 Ф 1-52 / 5639

ОБЪ УСЛУГАХЪ, ОКАЗАННЫХЪ ПЕТРОМЪ ВЕЛИКИМЪ МАТЕМАТИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФІИ РОССІИ.

Рѣчь, читанная въ торжественномъ собраніи Академіи Наукъ 31 мая 1872 г.,

Академикомъ О. В. Струве.

Въ числѣ наукъ, могущественно подвинутыхъ геніемъ великаго преобразователя Россіи, неоспоримо первое мѣсто занимаетъ отечественная географія. Къ ней привлекала его не одна только пылкая любознательность, столь рѣзко выдающаяся во многихъ чертахъ его жизни, но еще болѣе настоятельная потребность въ знакомствѣ съ нею для успѣшнаго выполненія великихъ его предпріятій, и ясное сознаніе ея высокаго значенія для управленія государствомъ вообще.

По случаю настоящаго празднества оконченъ трудъ высокопочтеннаго академика К. М. Бэра, подъ заглавіемъ «Peter's des Grossen Verdienste um die Erweiterung der geographischen Kenntnisse», частію уже изданный безъ малаго 25 лѣтъ тому назадъ на русскомъ языкѣ. Въ этомъ сочиненіи ясно доказано, до какой степени всѣ географическія предпріятія, исполненныя во время царствованія Петра В., были запечатлены его характеромъ, и что руководящая мысль въ нихъ была вездѣ его собственная; иногда средства къ достиженію предположенныхъ цѣлей были скудны, или не вполнѣ достаточны, но упрекнуть его въ томъ было бы крайне несправедливо. Когда онъ вступилъ на престолъ, научныхъ средствъ почти не существовало въ Россіи. Онъ самъ долженъ былъ создать ихъ Поэтому заслуга его состоитъ столько же въ

БИБЛІОТЕКА

созданіи такихъ средствъ, сколько въ начертаніи предпріятій и личномъ участіи въ нихъ. Ему самому не суждено было дожить до главныхъ плодовъ его географич. предпріятій, ознаменовавшихъ царствованія его ближайшихъ преемниковъ. Но онъ трудился не для одного своего поколѣнія. Еще болѣе важно то, что приготовлено имъ для будущаго. Еще позднѣйшее потомство пользуется плодами его стараній и съ благодарностью должно благословлять его память.

Въ упомянутой статьѣ К. М. Бэръ, по свойственной ему, но въ настоящемъ случаѣ едва ли одобрительной осторожности, ограничивается, за немногими исключеніями, изложеніемъ тѣхъ географическихъ предпріятій, которыя имѣли цѣлью познаніе свойствъ страны, ея естественныхъ произведеній, ея жителей и ихъ образа жизни, то есть относились къ той области наукъ, въ которой почтенный авторъ, во время долговременной своей ученой дѣятельности, самъ столь много и столь плодотворно трудился на пользу науки и отечества. Относительно стараній Петра В. для усовершенствованія математической географіи и картографіи Имперіи и сосѣднихъ странъ оставленъ чистый пробѣлъ, тѣмъ болѣе чувствительный, что на этомъ поприщѣ наиболѣе выдается предусмотрительность и неутомимая дѣятельность геніальнаго творца географіи Россіи. Постараемся сегодня, по порученію Академіи Наукъ, краткимъ очеркомъ пополнить этотъ пробѣлъ, надѣясь при томъ, что можетъ быть наши слова побудятъ къ дальнѣйшимъ изслѣдованіямъ въ исторіи этихъ безсмертныхъ работъ.

Чтобы вполнѣ оцѣнить заслуги Петра В. въ означенномъ отношеніи, необходимо сперва бросить взглядъ на состояніе картографіи Имперіи въ предшествовавшее его царствованію время. Греческія колоніи, процвѣтавшія вокругъ Чернаго Моря представили, какъ Грекамъ, такъ и Римлянамъ случай хорошо ознакомиться съ общимъ очертаніемъ этого моря, а также съ южнымъ и югозападнымъ прибрежьемъ Каспійскаго, и частію съ нынѣшнимъ Закавказьемъ. Но все, что лежало къ С. отъ этихъ колоній, покрыто было глубокимъ мракомъ. Тутъ, по мнѣнію древнихъ,

жили Скиоы и Сарматы, которыхъ они раздѣляли на разныя, частію миоологическія племена; еще болѣе сѣверныя страны были terra incognita. Этотъ мракъ нѣсколько началъ проясняться, когда походами Варяговъ образовались болѣе частыя сношенія между Россіею и восточною римскою имперіею. Такъ уже въ половинѣ X-го столѣтія Императоръ Византійскій Константинъ Багрянородный могъ написать для своего сына географію странъ, лежащихъ между Волгою и Балтійскимъ моремъ, въ которой онъ довольно точно очертилъ племена, населявшія эти страны, теченія рѣкъ и положенія главныхъ городовъ. Но эти свѣдѣнія со времени нашествія Татаръ совершенно были забыты и только чрезъ нѣсколько столѣтій открытіе древнихъ рукописей послужило свидѣтельствомъ прежняго ихъ существованія. Во второй половинѣ среднихъ вѣковъ оставались извѣстными одни только окрестности Чернаго моря, благодаря частымъ торговымъ сношеніямъ съ Генуезцами и Венеціянцами; въ XIII столѣтіи составлены были въ Италіи морскія карты, весьма точно изображавшія общее очертаніе и размѣры этого моря. Изъ болѣе сѣверныхъ частей Имперіи были нѣсколько извѣстны лишь тѣ, которыя находились нѣкоторое время подъ властію Польши, а также часть прибалтійскихъ провинцій съ дорогами, по которымъ Великій Новгородъ велъ торговлю съ ганзейскими городами.

Мракъ, покрывавшій географію Россіи, только въ XVI-мъ ст. началъ опять разсѣеваться; но и тогда свѣдѣнія распространялись лишь чрезвычайно медленно, доказательствомъ чему можетъ служить карта, изданная въ 1596 году извѣстнымъ болонскимъ профессоромъ Магиномъ, про которую онъ самъ говоритъ, что она составлена по новѣйшимъ свѣдѣніямъ. Въ ней между прочимъ Финскій заливъ, начиная отъ Нарвы, принимаетъ направленіе отъ ЮВ. къ СЗ., и въ углу его отмѣченъ городъ Выборгъ подъ полярнымъ кругомъ, на широтѣ 67°. Рѣка Волга представлена еще въ непрерывной связи съ Ладожскимъ озеромъ. Онежскаго озера вовсе нѣтъ; за то Азовское море, вдвое меньшее Чернаго, начерченнаго вѣрно, имѣетъ протяженіе въ двѣ трети разстоянія

между устьями Днѣпра и Нѣмана. Относительно Азіатской Россіи показанія карты еще баснословнѣе; тутъ все одна выдумка: море, показанное примѣрно на мѣстѣ Обьской губы, образуетъ уже часть Тихаго Океана, который лишь на широтѣ Пекина удаленъ нѣсколько болѣе на востокъ. Къ западу отъ Обьской губы, на материкѣ, простирающемся до 82° широты, отмѣчены нѣкоторыя израильскія племена, отведенныя Сальманассаромъ въ ассирійскій плѣнъ, и т. п.

Отъ сей воображаемой географіи вернемся къ дѣйствительной, которая въ теченіи того же самаго столѣтія довольно значительно подвинулась впередъ, преимущественно благодаря проницательному взгляду царя Ивана Васильевича Грознаго, столь часто кажется несправедливо осужденнаго. Въ его царствованіе англичанами открытъ путь къ Сѣверной Двинѣ и, какъ англійскими, такъ и голландскими моряками сдѣланы различныя попытки отыскать сѣверо-восточный проходъ въ Индію. Эти попытки, хотя безуспѣшныя относительно прямой ихъ цѣли, доставили тѣмъ не менѣе весьма богатыя свѣдѣнія о сѣверномъ океанѣ и его прибрежьи. Еще болѣе важно въ географическомъ отношеніи было завоеваніе, въ послѣднее время его царствованія, части западной Сибири Ермакомъ Тимофѣевымъ, разсѣявшее прежнія ложныя понятія объ этой странѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ представившее обширное поле для дальнѣйшихъ открытій. На эти успѣхи географіи можно взглянуть какъ на случайные, несоставляющіе поэтому особой заслуги царствующаго лица; но съ другой стороны нельзя не признать, что Иванъ Васильевичъ умѣлъ благоразумно пользоваться данными обстоятельствами. Личному его попеченію надобно приписать, что послѣ открытія пути къ устью Сѣв. Двины немедленно организовались сношенія съ англичанами и голландцами, и учреждены въ Москвѣ факторіи этихъ націй. Такимъ образомъ Европа получила первыя достовѣрныя и даже довольно подробныя свѣдѣнія о теченіи Сѣверной Двины, о ея притокахъ и о расположенныхъ по ея теченію странахъ,—свѣдѣнія, которыя распространились потомъ на нѣкоторую часть южной Россіи, благодаря

покровительству, оказанному Иваномъ Васильевичемъ англичанамъ Бурровсу и Генкинсону, предпринявшимъ путешествіе чрезъ Россію въ Бухару и Персію. Извѣстно также, что Иванъ Васильевичъ, чтобы споспѣшествовать образованію народа, призвалъ въ Россію иностранныхъ художниковъ, ремесленниковъ, и даже нѣкоторыхъ ученыхъ. Въ числѣ ихъ, а можетъ быть только въ царствованіе ближайшихъ преемниковъ Ивана Васильевича, пріѣхалъ въ Россію нѣкій Исаакъ Масса, человѣкъ неизвѣстнаго происхожденія, которому мы обязаны составленіемъ, или по крайней мѣрѣ изданіемъ первой ландкарты Россійской Имперіи, основанной на собранныхъ на мѣстѣ матеріялахъ. Лучшія карты Россіи, появившіяся въ XVII-мъ столѣтіи до Петра В., суть ни что иное какъ копіи, или извлеченія изъ карты Массы, съ нѣкоторыми только прибавленіями и частными усовершенствованіями, вызванными возрастающимъ знакомствомъ съ отдѣльными частями страны и послѣдующими завоеваніями въ Сибири. Въ числѣ такихъ улучшеній въ особенности слѣдуетъ упомянуть здѣсь о свѣдѣніяхъ, доставленныхъ о южной части рѣки Волги и о сосѣднихъ съ нею странахъ путешествіемъ голштинскаго посланника Олеарія въ Россію и Персію (1632—1636). До того времени на мѣстѣ этихъ странъ карта массы и послѣдующія, кромѣ общаго направленія Волги, представляли бланки, раздѣленныя примѣрно на равныя части именами нѣкоторыхъ дикихъ племенъ, тамъ обитавшихъ. Путешествіе Олеарія имѣетъ особенное значеніе для картографіи южной Россіи еще тѣмъ, что во время его въ первый разъ, кажется, произведено тамъ нѣсколько опредѣленій широтъ; между тѣмъ какъ въ сѣверной Россіи и по прибрежью сѣвернаго Океана таковыя опредѣленія сдѣланы были уже за нѣсколько десятковъ лѣтъ раньше, трудами англійскихъ и голландскихъ моряковъ. До того времени показанія широтъ основаны были единственно на замѣчаніи продолжительности дня около лѣтняго солнцестоянія.

Карта Массы въ первый разъ появилась въ 1612-мъ году. Въ какой мѣрѣ матеріялы, на которыхъ она основана, собраны лично составителемъ, въ настоящее время трудно разъяснить.

Одно только можно сказать съ увѣренностью, именно что карта Массы имѣла тождественное происхожденіе съ государственною картой, извѣстной подъ названіемъ Большаго Чертежа и впервые составленной, по мнѣнію Карамзина, при царѣ Ѳеодорѣ Ивановичѣ. Большой Чертежъ болѣе не существуетъ и о происхожденіи его ничего вѣрнаго неизвѣстно; но по изданнымъ «книгамъ Большему чертежу», представляющимъ, такъ сказать, пояснительный текстъ къ этой картѣ, можно судить, что она была основана на тѣхъ же самыхъ свѣдѣніяхъ, которыя находимъ въ картахъ Массы. Сходство обѣихъ картъ въ особенности поразительно, если сравнить ихъ масштабы: они не только тождественны въ обѣихъ картахъ, но и одинаково измѣнены для сѣверныхъ и для южныхъ частей Имперіи. Съ другой стороны изъ книги Больш. Черт. видно, что государственная карта распространялась также на нѣкоторыя части Азіи—именно на нынѣшній Туркестанъ—и содержала довольно подробныя для того времени свѣдѣнія объ нихъ, между тѣмъ какъ карта Массы обнимаетъ одну Европ. Россію. Поэтому слѣдуетъ заключить, или что Масса лично участвовалъ въ составленіи Больш. Чертежа, или же что онъ имѣлъ случай частію скопировать его, во время пребыванія своего въ Россіи. Большой Чертежъ, всегда существовавшій лишь въ одномъ экземплярѣ, нѣсколько разъ былъ возобновляемъ, и при этомъ не одинъ разъ пополненъ новѣйшими, болѣе подробными свѣдѣніями; но общій характеръ его не измѣнялся. Первое такое возобновленіе было предпринято при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ (въ 1627 г.), а послѣднее, по порученію царя Ѳеодора Алексѣевича (въ 1682 г.), уже при жизни Петра В.

Такимъ образомъ, не имѣя Большаго Чертежа, мы должны принять позднѣйшія карты, скопированныя съ картъ Массы и пополненныя разными лицами на основаніи дальнѣйшихъ свѣдѣній, за общее мѣрило познаній о картографіи Россіи, существовавшихъ въ то время, когда Петръ В. взялъ въ свои руки бразды правленія, и нельзя не сознаться, что эти свѣдѣнія были крайне скудны. За исключеніемъ лишь теченій рѣкъ Сѣв. Двины и Волги, карты

не имѣли никакого научнаго основанія. Онѣ были составлены единственно по свѣдѣніямъ о разстояніяхъ одной мѣстности отъ другой собраннымъ частію безъ всякаго критическаго разбора. Въ самомъ дѣлѣ эти карты, въ главныхъ частяхъ, едва ли могли бы сравняться по точности съ современными нашими маршрутными картами внутреннихъ странъ Африки. Однако еще въ послѣдніе годы правленія царевны Софіи Алексѣевны появилась одна карта Россіи, которой нельзя не отдать преимущества предъ всѣми прочими, тогда существовавшими. Это карта, изданная въ 1687 году гражданиномъ, а послѣ бургомистромъ города Амстердама Николаемъ Витзеномъ. По выраженію исторіографа Мюллера, появленіе этой карты можно считать началомъ новой эпохи картографіи Россіи. Авторъ ея еще въ 1666 г. состоялъ при голландскомъ посольствѣ въ Москвѣ и оставался два года, занимаясь собираніемъ свѣдѣній о Россіи и сосѣднихъ съ нею странахъ Азіи. Вернувшись на родину, онъ поддерживалъ постоянную переписку съ разными лицами въ Москвѣ и имѣлъ корреспондентовъ въ средней Азіи, Персіи и даже Китаѣ. Плодомъ многолѣтнихъ его трудовъ было классическое описаніе сѣверной и восточной Татаріи, служащее вмѣстѣ съ тѣмъ объясненіемъ къ вышеупомянутой картѣ Россіи. Хотя и эта карта не могла еще быть основана на строго научныхъ началахъ, но по крайней мѣрѣ она была обработана съ возможно строгою критикою. Въ ней въ первый разъ изображены съ нѣкоторою точностью страны, лежащія къ В. отъ Енисея, и показано, что русскія владѣнія простираются до Китая и Японскаго моря.

Появленіе карты Витзена, кромѣ прямой пользы, имѣло еще важнѣйшее значеніе для отечественной картографіи. Молодой царь, въ первое свое заграничное путешествіе, познакомился съ ея составителемъ и, проживая въ его домѣ, во время пребыванія своего въ Амстердамѣ, имѣлъ случай воспользоваться его совѣтами для дальнѣйшихъ своихъ предпріятій. Эти близкія отношенія продолжались до самой смерти почтеннаго ученаго, послѣдовавшей въ 1717 г., во время вторичнаго пребыванія Петра В. въ

Амстердамѣ. Благодарный монархъ посѣтилъ уважаемаго друга въ послѣдніе часы его жизни, чтобы съ нимъ проститься.

Изъ всего сказаннаго достаточно явствуетъ, что при вступленіи Петра Великаго на престолъ о точной географіи Имперіи едва ли могла быть рѣчь. Вполнѣ сознавая ея необходимость для успѣшнаго управленія государствомъ, еще при жизни брата Іоанна Алексѣевича, Петръ предпринялъ составленіе новой ландкарты Имперіи. Но бывшія въ то время въ его распоряженіи средства, кажется, не были еще достаточны для выполненія этой задачи; а потому первая попытка осталась безъ явныхъ послѣдствій. Недостающія ученыя и художественныя силы Петръ собралъ во время перваго своего заграничнаго путешествія, которое, споспѣшествуя его собственному образованію, въ тоже время установило его взглядъ на тѣ пути, которыми слѣдовало идти къ достиженію преслѣдуемыхъ цѣлей Взятіе Азова въ 1696 г. открыло доступъ къ Черному морю, на которомъ Петръ надѣялся завести правильныя торговыя сношенія съ южно-европейскими государствами и дать молодому своему флоту возможность плаванія въ открытомъ морѣ. Флотъ тогда строился на корабельной верфи въ Воронежѣ, а потому необходима была прежде всего точная карта рѣки Дона. Къ составленію ея немедленно было приступлено по собственнымъ указаніямъ Петра, подъ руководствомъ вице-адмирала Корнелія Крюйса, уроженца Голландіи, не за долго предъ тѣмъ поступившаго въ русскую службу. Вся работа была окончена въ теченіи двухъ лѣтъ. Уже въ этомъ первомъ географическомъ трудѣ высказываются дальнѣйшіе взгляды великаго монарха. Одновременно съ описаніемъ Дона онъ велѣлъ снять часть Волги и страну, пролегающую между этими двумя рѣками, съ цѣлью избрать удобнѣйшую мѣстность для проведенія канала между ними. Очевидно Петръ тогда уже занятъ былъ проектомъ устройства искусственныхъ водяныхъ сообщеній, одного выполненія котораго достаточно было бы, чтобы сохранить ему вѣчную благодарность русскаго народа.

За окончаніемъ карты Дона немедленно послѣдовала съемка

Азовскаго моря, произведенная при личномъ участіи царя, во время плаванія на этомъ морѣ, предпринятаго имъ для сопровожденія до Керченскаго пролива отправляемаго въ Константинополь посланника, въ 1699 году. Карта Азовскаго моря уже въ 1701 была награвирована, снабжена русскою надписью и отпечатана. Она представляетъ, кажется, первый образчикъ отечественнаго картографическаго изданія. По въ этомъ видѣ, можетъ быть вслѣдствіе неисправившейся Государю хвастливой надписи, «Super Garamantes et Indos proferet regnum», карта эта никогда не была публикована, по крайней мѣрѣ объ ней не упоминается ни въ одномъ изъ списковъ изданныхъ русскихъ картъ; но она существуетъ еще въ архивѣ Гидрографическаго Департамента. Чрезъ нѣсколько лѣтъ таже самая карта, но безъ упомянутой надписи, появилась въ изданномъ Крюйсомъ на голландскомъ языкѣ атласѣ Дона, вмѣстѣ съ двумя картами Чернаго моря, заимствованными у Итальянцевъ, и картою части Мраморнаго, снятою капитаномъ Памбургомъ во время того же самаго путешествія посланника въ Константинополь.

Слѣдующая за тѣмъ карта, публикованная въ Амстердамѣ съ голландскою надписью, имѣла предметомъ театръ тогдашней войны съ Турціею въ южной Россіи, между Дономъ и Днѣпромъ. Она основана преимущественно на съёмкахъ, произведенныхъ во время войны артиллеріи капитаномъ, послѣ фельдмаршаломъ, графомъ Брюсомъ.

Между тѣмъ вспыхнула сѣверная война, поглотившая въ первое время до такой степени всѣ средства государства, что о мирныхъ завоеваніяхъ на поприщѣ науки и художествъ нельзя было и думать. Но едва государство оправилось отъ перваго напора непріятеля, какъ самыя потребности войны побудили государя снова обратиться къ занятіямъ картографіей. По завоеваніи Ингерманландіи немедленно было приступлено къ составленію и изданію на русскомъ языкѣ карты этой провинціи по прежнимъ шведскимъ картамъ ея. Принимая въ соображеніе, что всѣ мѣстности на этой картѣ обозначены еще старыми, финскими, или

шведскими названіями, едва ли ошибемся, если отнесемъ составленіе ея къ самому времени основанія новой столицы т. е. къ 1703-му году. Именемъ Петербурга обозначена на ней только часть острова, на которомъ тогда начинали строить Петро-Павловскую крѣпость. За нею вскорѣ послѣдовала карта королевства Польскаго и Великаго Княжества Литовскаго, странъ, которыя или тогда уже были театромъ войны, или въ которыхъ предвидѣлись ближайшія военныя дѣйствія.

Не перечисляя здѣсь всѣхъ отдѣльныхъ картографическихъ предпріятій, вызванныхъ потребностями минуты, переходимъ прямо ко второму періоду географической дѣятельности Петра В., когда, по удаленіи военныхъ дѣйствій отъ границъ Имперіи, представилась возможность заняться серьёзно и по зрѣло обдуманному плану задачами внутренняго устройства государства. Къ этому періоду нужно отнести во первыхъ учрежденіе въ С.-Петербургѣ навигаціонной школы, переименованной въ 1715 году въ Морскую Академію. Въ ней приготовлялись подъ руководствомъ вызваннаго изъ Шотландіи профессора Фаркварсона русскіе мореплаватели и геодезисты, которымъ послѣ можно было поручить изслѣдованіе отдѣльныхъ частей Имперіи. Какъ первый картографическій трудъ этой Академіи, служившій въ тоже время для воспитанниковъ ея упражненіемъ въ картографіи и гидрографіи, появилась въ 1714 году «Книга размѣрная градусныхъ картъ Остъ-Зее или Варяжскаго моря», составленная преимущественно по иностраннымъ источникамъ. Она содержала на 12 картахъ всѣ въ то время доступныя свѣдѣнія, необходимыя для безопаснаго плаванія созидавшагося русскаго флота въ Балтійскомъ морѣ, Каттегатѣ и Сѣверномъ морѣ.

Въ слѣдующемъ затѣмъ году Петръ В. уже обратилъ вниманіе на изслѣдованіе Каспійскаго моря, столь важнаго для развитія русской торговли съ Персіею и среднеазіятскими племенами; онъ велѣлъ извѣстному впослѣдствіи своею несчастною экспедиціею въ Хиву князю Бековичу-Черкасскому выстроить на восточномъ берегу этого моря два укрѣпленія, и поручилъ флота лей-

тенанту Кожину подробнѣе описать эту часть моря. Первое предпріятіе не принесло плодовъ, такъ какъ крѣпости скоро были разрушены туркменскими племенами; а Кожинъ, по недостатку опорныхъ точекъ и по другимъ неблагопріятнымъ обстоятельствамъ, кажется также и по собственной винѣ, едва успѣлъ собрать нѣсколько общихъ свѣдѣній о Карабогазскомъ и Балханскомъ заливахъ и о лежащихъ близъ восточнаго берега островахъ. Но подобная неудача не устрашила Царя. Уже въ 1718 году онъ отправилъ въ это море новую экспедицію подъ начальствомъ капитана Фанъ-Вердена, которому далъ въ помощники лейтенанта Соймонова, прославившагося впослѣдствіи на географическомъ поприщѣ дальнѣйшими трудами о Каспійскомъ морѣ и многими изслѣдованіями внутри Сибири, организованными имъ во время его управленія этимъ краемъ. Изготовленная поименованными лицами, въ теченіи трехъ лѣтъ, карта Каспія, хотя большею частію основанная на изслѣдованіяхъ, произведенныхъ только вдоль западнаго и южнаго береговъ, совершенно перевернула всѣ господствовавшія дотолѣ понятія объ этомъ морѣ, которое до тѣхъ поръ обыкновенно представлялось простирающимся въ длину по направленію отъ З. къ В. Царь не мало обрадованъ былъ этимъ явнымъ и важнымъ успѣхомъ своихъ гидрографовъ. Онъ немедленно препроводилъ карту въ Парижскую Академію Наукъ, которая за два года до того избрала его—перваго изъ царствующихъ лицъ — своимъ дѣйствительнымъ членомъ. По собственному его выраженію, онъ хотѣлъ этимъ сообщеніемъ показать себя достойнымъ академикомъ. *) Съ тою же цѣлью онъ велѣлъ Лейбъ-Медику Блуменстросту, впослѣдствіи первому президенту Академіи

* Делиль Старшій упоминаетъ въ Мемуарахъ Парижской Академіи о томъ, что Петръ Великій, при посѣщеніи Парижа въ 1717 году, показалъ ему карту Каспійскаго моря и лежащихъ близъ восточнаго берега его странъ, которая, хотя и не могла еще претендовать на высокую точность, но уже значительно измѣняла прежнія понятія объ этомъ морѣ. Вѣроятно эта карта основана была на предварительныхъ изслѣдованіяхъ, произведенныхъ во время первой экспедиціи Кн. Бековича-Черкасскаго, который, какъ извѣстно, возвратясь изъ экспедиціи въ 1716 г. и не заставъ Государя въ столицѣ, догналъ его на пути, въ Либавѣ, и тамъ представилъ ему докладъ о произведенныхъ работахъ

Наукъ, сообщить Парижской Академіи всѣ болѣе достопримѣчательныя свѣдѣнія, собранныя о Сибири.

Карта Каспія вскорѣ затѣмъ во многихъ частностяхъ была разработана самимъ Соймоновымъ *). Не смотря на то въ половинѣ прошлаго столѣтія часто возвращались къ прежнему представленію о болѣе восточномъ направленіи южной части этого моря. Анахронизмъ этотъ главнымъ образомъ объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что географы приписали слишкомъ большой вѣсъ астрономическому опредѣленію долготы города Трапезонта, сдѣланному въ исходѣ XVII-го столѣтія іезуитомъ Беза, и оказавшемуся впослѣдствіи невѣрнымъ на $7\frac{1}{2}^{\circ}$. Неточность этого опредѣленія была уже доказана до появленія Петровской карты, но, кажется, это доказательство не было признано достаточно уважительнымъ. Поэтому, когда трудами петербургскихъ академиковъ получены были вѣрныя долготы Астрахани и Гурьева на сѣверномъ берегу моря, а для южнаго берега вычислили долготы по извѣстнымъ линейнымъ разстояніямъ отъ неточно принятаго положенія Трапезонта, то все море должно было снова представиться значительно уклоненнымъ отъ направленія меридіана. Только въ первыхъ годахъ настоящаго столѣтія это недоразумѣніе было окончательно разсѣяно и Петровская карта возстановлена во всѣхъ ея правахъ.

---

* Дальнѣйшія изслѣдованія Соймонова, въ 1723—1725 годахъ, относились преимущественно къ восточному берегу Каспійскаго моря. Поэтому изданный имъ въ 1731 г. атласъ Каспія въ этой части имѣетъ весьма значительное преимущество предъ картою Фанъ-Вердена, гдѣ свѣдѣнія относительно восточнаго берега основывались лишь на бѣглой рекогносцировкѣ Кожина и на сообщеніяхъ другихъ путешественниковъ. Въ особенности замѣтна большая разница въ очертаніяхъ Мертваго Култука, у Фанъ-Вердена простирающагося далеко на С.В., въ дѣйствительности же имѣющаго направленіе къ Ю.В. и оканчивающагося длиннымъ заливомъ Тюкъ-Карасу, который направляется даже къ ЮЗ. Составляя въ 1745 г. общій атласъ Имперіи, Петербургскіе Академики безъ сомнѣнія могли бы воспользоваться этимъ атласомъ Соймонова, какъ уже и поступилъ Кириловъ (въ 1734 г.), давшій въ своей генеральной картѣ Имперіи вѣрное изображеніе Каспія, соотвѣтственно изслѣдованіямъ Соймонова. По Петербургскіе Академики отдали предпочтеніе картѣ Фанъ Вердена, вслѣдствіе какихъ соображеній это остается пока загадкой

Бѣлое море въ царствованіе Петра Великаго кажется не было предметомъ особыхъ изслѣдованій со стороны русскихъ моряковъ, потому что и безъ того оно было достаточно извѣстно для ближайшихъ потребностей судоходства, благодаря трудамъ голландскихъ и англійскихъ мореплавателей. Зато къ прибрежью Сѣвернаго океана отправлено было нѣсколько развѣдочныхъ партій, какъ моремъ, такъ и сухимъ путемъ. Но эти партіи въ началѣ состояли только изъ людей недостаточно подготовленныхъ, большею частію простыхъ казаковъ, и притомъ снабжены были весьма скудными средствами. Поэтому доставленныя ими свѣдѣнія, по своей неопредѣленности, были ничтожны по отношенію къ картографіи; тѣмъ не менѣе партіи эти имѣли большое значеніе какъ приготовленія для дальнѣйшихъ, лучше организованныхъ экспедицій, которыя Петръ намѣревался отправить къ прибрежью Сѣвѣрнаго океана. Первая подобная экспедиція была снаряжена въ 1719 году къ берегамъ Охотскаго моря и въ незадолго передъ тѣмъ открытую Камчатку, подъ начальствомъ бывшихъ учениковъ морской академіи Лужина и Евреинова. Но непоправимая потеря якорей близъ одного изъ Курильскихъ острововъ, во время слишкомъ, можетъ быть, долгой стоянки, и другія, не вполнѣ разъясненныя, обстоятельства помѣшали успѣху этого предпріятія, выполненіе котораго, нѣсколько лѣтъ позже, покрыло вѣчною славою имя капитана Беринга.

Между тѣмъ съ 1717 года Петръ Великій приступилъ къ осуществленію давно задуманнаго имъ проекта,—составленію вѣрной ландкарты всего государства, необходимость которой для успѣшнаго управленія чувствовалась все болѣе и болѣе. Первымъ шагомъ къ рѣшенію этой задачи было отправленіе многихъ геодезистовъ, образованныхъ въ морской академіи, въ разныя провинціи, для составленія спеціальныхъ картъ. Число отправленныхъ въ разныя стороны геодезистовъ уже къ 1721-му году дошло до 30. Инструкція, по которой они должны были работать, почти вся заключалась во вступительныхъ словахъ: «Въ каждомъ городѣ брать по квадранту широту мѣста, и отъ того

города идти одною дорогою чрезъ разные румбы до межи того уѣзду». Кто не признаетъ тутъ личнаго участія царя-моряка, въ краткихъ словахъ, ясно начертывающаго свои приказанія и способы къ ихъ выполненію?

Нельзя не сознаться, что средства и способы были еще крайне просты; они въ сущности не отличались ничѣмъ отъ тѣхъ, которые употребляетъ нынѣ простѣйшій мореплаватель, по лагу и компасу опредѣляющій мѣсто своего судна въ открытомъ морѣ. Но для имѣвшейся въ виду цѣли, составленія спеціальныхъ картъ въ масштабѣ 10 верстъ въ дюймѣ, они были достаточны, и нужно согласиться, что въ этомъ случаѣ примѣненіе простѣйшихъ способовъ было весьма благоразумно. Чтобы распространить работу на всю имперію, требовалось большое число рабочихъ силъ, и найти ихъ, въ то время, въ соотвѣтственномъ громадности задачи количествѣ можно было лишь подъ условіемъ примѣненія самыхъ простѣйшихъ способовъ исполненія. Эта черта краснорѣчиво свидѣтельствуетъ, до какой степени царь научился современемъ сообразовать состоявшія въ его распоряженіи средства съ представлявшимися задачами.

Собранныя такимъ образомъ спеціальныя карты провинцій, по мѣрѣ ихъ исполненія, представляемы были въ Правительствующій Сенатъ. Кромѣ того собрано было еще множество отдѣльныхъ географическихъ свѣдѣній, доставленныхъ различными экспедиціями и путешествіями, какъ внутри Имперіи, такъ и въ сосѣднія страны. Чтобы показать всю важность этихъ послѣднихъ, стоитъ только упомянуть: о трудахъ полковника Гербера, относящихся къ странамъ, прилегающимъ къ сѣверной части Каспійскаго моря, объ экспедиціи въ Сибирь доктора Мессершмидта и трудахъ шведскаго плѣнника Табберта, получившаго послѣ имя фонъ-Штраленберга, о свѣдѣніяхъ, доставленныхъ о Персіи, Хивѣ и Бухарѣ итальянцемъ Флоріо Беневени, проживавшимъ лѣтъ 10 въ этихъ странахъ въ качествѣ русскаго посланника, объ экспедиціяхъ, предпринятыхъ полковникомъ Бухгольцемъ и маіоромъ Лихаревымъ по Иртышу и въ Киргизскую

степь, для отысканія удобнаго сообщенія съ городомъ Іеркеномъ (нынѣшнимъ Яркандомъ), о посольствѣ Унковскаго къ Контаишу Калмыковъ, о командированіи въ Китай, съ дипломатическими цѣлями, Избранта Идеса, Адама Бранта, Лоренца Ланге, Измайлова и Саввы Владиславовича Рагузинскаго. Почти всѣ поименованные лица получали инструкціи лично отъ самого государя и ему же непосредственно докладывали о результатахъ своихъ изслѣдованій.

По собраніи всѣхъ этихъ богатыхъ матеріаловъ, оставалось только соединить ихъ въ одно цѣлое и составить изъ нихъ общій атласъ Имперіи. Этою задачею, съ согласія Сената, занялся тогдашній Оберъ-Секретарь Сената Иванъ Кирилловъ, пламенный любитель отечественной географіи, глубоко проникнутый сознаніемъ ея значенія для государственныхъ цѣлей. Кириловъ продолжалъ свой трудъ до 1734 года, когда былъ опредѣленъ организаторомъ вновь присоединеннаго къ Имперіи Оренбургскаго края; въ каковомъ положеніи онъ и на другомъ поприщѣ географической дѣятельности имѣлъ случай оказать услуги отечеству, подробнымъ изслѣдованіемъ ввѣреннаго его попеченію края.

Первопачальный планъ Кирилова состоялъ въ изданіи полнаго атласа, обнимающаго не менѣе 360 отдѣльныхъ картъ; но при ближайшемъ ознакомленіи съ предметомъ онъ нашелся вынужденнымъ весьма значительно сократить его. Первая его карта гравирована въ 1726 году, а когда Кирилловъ окончилъ свой трудъ, въ 1734 г., то атласъ состоялъ изъ 14 спеціальныхъ картъ и одной генеральной. Эта, добросовѣстно и тщательно составленная, генеральная карта *) наглядно представляетъ состояніе отече-

* Генеральная карта Кирилова уступаетъ Академической картѣ, изданной въ 1745 г., въ томъ отношеніи, что не была основана на астрономическихъ опредѣленіяхъ долготъ. Но нельзя винить въ томъ Кирилова: когда онъ началъ свой трудъ, во всей Имперіи не было еще точно опредѣлено ни одной долготы. Первая долгота, долгота самаго С.-Петербурга, опредѣлена Ник. Делилемъ только въ 1727 и 1728 гг. и къ ней въ теченіи слѣдующихъ трехъ лѣтъ прибавилась еще долгота Архангельска, опредѣленная братомъ перваго астронома, Лудовикомъ Делилемъ-Лакройеромъ, нарочно призваннымъ изъ Франціи для производства подобныхъ работъ. Долгота Архангельска повиди-

ственной географіи около времени кончины великаго преобразователя. При сравненіи ея съ картою Витзена бросается въ глаза огромный успѣхъ, сдѣланный въ это царствованіе.

Но заслуги Петра Великаго въ области географіи не оканчиваются съ его жизнію.

Достаточно указать на то, что однимъ изъ послѣднихъ актовъ его государственной дѣятельности была собственноручно написанная инструкція, которою поручалось капитану Берингу изслѣдо-

---

мому была опредѣлена довольно точно, такъ какъ произведенныя для того три наблюденія затмѣній спутниковъ Юпитера дали весьма согласные результаты. Только въ началѣ нынѣшняго столѣтія открылось, что вѣроятно всѣ три наблюденія были или просто выдуманы, или по крайней мѣрѣ произвольно измѣнены недостойнымъ наблюдателемъ, вслѣдствіе чего долгота этого города, принятаго Академическою Коммиссіею за главную исходную точку для карты сѣверной части Европейской Россіи, оказалась невѣрною безъ малаго на два градуса.

Главнымъ недостаткомъ Кириловской карты, обусловленнымъ неточностью долготъ, было то, что вся карта по направленію параллели раздвинулась градусовъ на 10 на всемъ протяженіи до Камчатки. Ошибка эта по мѣрѣ приближенія къ Европѣ, конечно, постепенно уменьшается. Принимая въ расчетъ, что долготы вычислены были лишь по маршрутнымъ картамъ, нужно даже удивляться, что ошибка эта не вышла больше. Академики при составленіи карты Сибири могли уже воспользоваться опредѣленіями Красильникова, произведенными около 1737 г. въ Иркутскѣ и Большерѣцкѣ.

Въ точности нанесенія подробностей карта Кирилова едва-ли уступаетъ академической, доказательствомъ чему служитъ между прочимъ упомянутое уже болѣе точное изображеніе Каспійскаго моря, а также относительное положеніе Аральскаго моря. Изъ всего видно, что Кириловъ вездѣ старался пользоваться лучшими, доступными ему источниками. Если прибрежье Сѣвернаго Океана на его картѣ изображено менѣе точно, чѣмъ на академической, то нужно помнить, что болѣе точныя свѣдѣнія объ этомъ морѣ и его прибрежьи собраны были уже послѣ окончанія его труда.

Упрекали Кирилова и въ томъ, что онъ избралъ для своей генеральной карты первый меридіанъ, проходящій чрезъ городъ Аренсбургъ на островѣ Эзелѣ. Вѣроятно онъ сдѣлалъ это на томъ основаніи, что Аренсбургъ былъ самымъ западнымъ городомъ во всей Имперіи, и что исходя отъ него онъ могъ считать всѣ долготы по одному направленію; и нужно согласиться, что онъ поступилъ весьма благоразумно. Точно опредѣленной долготы еще не имѣлось, когда онъ началъ свой трудъ, а воспользоваться какою нибудь, неточною долготою для того, чтобы отнести атласъ къ меридіану Ферро, или Гринвича, было гораздо опаснѣе: могли возникнуть недоразумѣнія, которыя устранены произвольнымъ избраніемъ перваго меридіана, проходящаго чрезъ вовсе неопредѣленное мѣстечко. 25 лѣтъ спустя положеніе Аренсбурга было точно опредѣлено Академикомъ Гришовымъ.

вать берега Камчатки и рѣшить вопросъ о связи Азіи съ Америкою, или же на то, что уже имъ придуманъ былъ проектъ тѣхъ, какъ выражается К. М. Бэръ, безпримѣрныхъ въ лѣтописяхъ науки, ученыхъ экспедицій въ Сибирь, которыя прославили царствованія императрицъ Анны Іоанновны и Елисаветы Петровны. Но еще болѣе нужно поставить ему въ заслугу ясное сознаніе, что всѣ старанія на пользу географіи потеряютъ главное свое значеніе, при недостаткѣ прочныхъ научныхъ началъ, и что, сознавая это, онъ принялъ всѣ цѣлесообразныя мѣры. Въ такихъ видахъ, уже во время путешествія въ Парижъ, Петръ вступилъ въ сношенія съ французскими географами и астрономами. Уже въ 1721 г. онъ предложилъ члену парижской академіи Жозефу Делилю мѣсто астронома-географа Имперіи, но переговоры съ требовательнымъ ученымъ долго тянулись, пока наконецъ онъ рѣшился переселиться въ С.-Петербургъ, въ качествѣ перваго астронома при вновь учреждаемой царемъ академіи наукъ. Съ тѣхъ поръ дальнѣйшая обработка карты Россіи перешла въ руки передоваго ученаго сословія Имперіи. При академіи, по иниціативѣ Делиля *, учрежденъ былъ особый географическій департ-

*) Жозефъ Делиль, первый астрономъ Академіи, несомнѣнно оказалъ важныя услуги картографіи Россіи. Онъ первый написалъ подробныя наставленія для работъ по составленію ландкарты Имперіи, и его стараніямъ въ особенности слѣдуетъ приписать учрежденіе при Академіи Географическаго Департамента, въ которомъ получали окончательное образованіе отправляемые на съемки геодезисты, при чемъ болѣе даровитые изъ нихъ имѣли случай практиковаться въ астрономическихъ наблюденіяхъ на только-что выстроенной и, по указаніямъ Делиля, богато снабженной инструментами, Обсерваторіи. Кромѣ того произведенныя имъ самимъ въ С.-Петербургѣ наблюденія покрытій звѣздъ луною и затмѣній спутниковъ Юпитера послужили къ первому точному опредѣленію долготы въ Имперіи и дали такимъ образомъ возможность связать Россійскія карты съ заграничными. Наконецъ онъ оказалъ еще весьма важную услугу своимъ путешествіемъ въ Березовъ, предпринятымъ въ 1741 г. для наблюденія прохожденія Меркурія чрезъ дискъ солнца. Хотя по отношенію къ прямой своей цѣли путешестіе это, продолжавшееся цѣлый годъ, было неудачно, вслѣдствіе неблагопріятной погоды, но, не говоря о другихъ географическихъ результатахъ, оно было плодотворно уже тѣмъ, что дало случай въ первый разъ, и съ полнымъ успѣхомъ, ввести въ употребленіе не за долго предъ тѣмъ изобрѣтенный Олаемъ Рёмеромъ пассажный инструментъ, примѣненіемъ его для точнаго опредѣленія долготы Березова по про

таментъ; въ ней получили дальнѣйшее образованіе Красильниковы, Поповы, Исленьевы и другіе труженики, которымъ мы обязаны первыми точными географическими опредѣленіями въ отдаленнѣйшихъ частяхъ Имперіи; и стараніями ея членовъ, преимущественно Гейнзіуса и Винсгейма, подъ руководствомъ безсмертнаго Леонарда Эйлера, составленъ наконецъ и изданъ въ 1745 году тотъ превосходный атласъ Имперіи, который былъ въ общемъ употребленіи до начала нынѣшняго столѣтія. Въ этомъ, съ живѣйшею признательностью принятомъ въ образованномъ мірѣ, трудѣ мы имѣемъ исполненіе желаній и предначертаній Петра Великаго относительно картографіи его Имперіи.

Академія наукъ съ справедливою гордостью смотритъ на географическія изслѣдованія Имперіи, исполненныя подъ ея руководствомъ, какъ на плоды, которыми она выплатила государству дань благодарности за могущественное поощреніе, котораго удостоилась наука отъ мудрости и заботливости русскихъ царей. Въ ея полуторавѣковой плодотворной дѣятельности ясно выражается геніальная предусмотрительность великаго монарха, создавшаго высшую въ Имперіи ученую корпорацію. Онъ призвалъ науку на помощь для осуществленія своихъ образовательныхъ цѣлей, онъ завѣщалъ ей приготовить путь для рѣшенія практическихъ задачъ общественной жизни и своими непоколебимыми законами направлять ихъ успѣшное исполненіе.

хожденіямъ луны чрезъ меридіанъ. Но съ другой стороны безпокойный и тяжелый характеръ Делиля и постоянныя его ссоры съ сотрудниками много помѣшали успѣшному ходу работъ, такъ что составленіе общей карты Имперіи, какъ разъяснилъ К. Ѳ. Свенске въ особой запискѣ, подъ его личнымъ руководствомъ (отъ 1725—1740 г.) подвигалось впередъ чрезвычайно медленно. По этой причинѣ Академія, пользуясь его отправленіемъ въ Березовъ, передала руководство надъ картографическими работами Леонарду Эйлеру, который съ такимъ усердіемъ принялся за нихъ, что лишился зрѣнія однимъ глазомъ. Отказавшись вслѣдствіе того отъ личнаго участія въ занятіяхъ, Эйлеръ поддерживалъ совѣтами своихъ сотрудниковъ Гейнзіуса и Винсгейма, которые успѣли кончить работу менѣе чѣмъ въ 4 года. Весьма характеристично то обстоятельство, что производители работы, признавая заслуги Делиля, предоставили ему честь поднести Академіи оконченный имъ важный трудъ.

Со временъ Петра В., и въ особенности въ [illegible]
географія Имперіи сдѣлала огромные успѣхи, но
остается сдѣлать; наука вѣчна и ставитъ каждому новому
лѣнію новыя задачи; счастлива та страна, которая на стр
самопознаніи основываетъ свое процвѣтаніе.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Іюль 1872 г.

Непремѣнный Секретарь *К. Веселовскій.*

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
(Вас. Остр., 9 лин., № 12.)

2007044122